

НИКОЛАЙ ТРОИЦКИЙ

ИДЕТ ЧЕЛОВЕК...

НОВЕЛЛЫ

Мюнхен, 1972

НИКОЛАЙ ТРОИЦКИЙ

ИДЕТ ЧЕЛОВЕК...

НОВЕЛЛЫ

Мюнхен, 1972

© Copyright by Author, 1972.

Николай Александрович Троицкий

311 Roat Street
Ithaca, N. Y. 14850

U. S. A.

Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany

B E P E

Л Ю Д И

Слепой стоял на улице. А люди шли. Разные: старые и молодые, богатые и бедные, мужчины и женщины. Шли и не замечали слепого.

Может быть, они были незрячие?

Слепой играл на скрипке элегию Массне про ушедшую белую и невозвратную весну. А люди шли и не слушали его игры.

Может быть, они были глухие?

Слепой играл и думал. У его ног на тротуаре лежала шляпа. Перед его слепым взором рисовалось, что в нее сыплется струя светлых и звонких монет. А люди шли и никто, хотя бы малым, не поделился с ним.

Может быть, они ничего не имели?

Слепой играл закрыв слепые глаза. А во-

круг бурлила жизнь: сплошным потоком двигалась людская толпа, тысячи автомобилей неслись по улице, в воздухе летели аэропланы. Ровный и стойкий городской шум прорезывался гудками или человеческими выкриками. Это была поступь современной жизни. А над всем светило Вечное Солнце.

**
*

Слепой закончил играть. Он улыбнулся и актерски поклонился шедшим. Затем нагнулся и стал осторожно трогать тротуар, отыскивая шляпу.

Кто-то ее услужливо поднял и передал ему в руки.

ОШИБКА

Он летит на аэроплане. Четыре кресла повернуты так, что образуют купе. Когда он сел в купе было свободно и он занял там место.

Он хотел быть один. Сидел и думал. Внизу плыла суетная и грешная земля. Здесь было ровное гудение моторов. Он как бы оторвался от земных тревог и чувствовал себя отрешенным от всего. На душе было неясно, но мирно.

Он — это был я.

На следующей остановке вошло двое. Они заняли места против меня. Первый — старший был, явно, начальником и что-то начал говорить подчиненному. Говорил тихо, но в его голосе была нравящаяся жизненная уверенность.

Но я не слушал говорившего, потому что

все, чем я владел — и духовное и физическое, сразу же восстало против второго. Он был молод, красив и самоуверен.

Слушая начальника, он в то же время рассматривал меня — как вещь. Покончив с осмотром моего тела, он бесцеремонно уставился мне в глаза и улыбался. В его лице, взгляде, позе, во всем, во всем было одно — превосходство надо мной. Я был для него подопытным животным.

Я не мог сдерживать себя, мною овладевало бешенство. Он продолжал в упор смотреть на меня.

Он и не подозревал, что всю мою предыдущую жизнь, начиная с детства я был, вот, таким подопытным, каким он видел меня. Это было в стране тирании и насилия над человеком. Вот такие же, как и он, били и пытали меня по тюрьмам, унижая во мне все человеческое.

Так было долго. Но счастье улыбнулось мне и я оказался в стране свобод.

Я был для него подопытным животным, а он для меня, как на ладони, оголенным во всем своем ничтожестве. Я хотел все это ему сказать, но из горла вырвался только хрип. Это окончательно расстроило меня. Поднявшись я перешел на другое свободное место. Откинувшись на спинку кресла, я сидел, закрыв глаза. Руки мои слегка дрожали.

**
*

Самолет подрагивая шел на посадку. Он тронул землю, слегка оттолкнулся и покатился, снижая скорость.

Пассажиры выходили. Почему-то не глядя на меня, вышел и мой антипод. Когда он исчез в двери, ко мне подошел его начальник и, наклонившись, тихо сказал:

— Я все понимаю. Простите, пожалуйста, нас . . .

. . . Вот и опять случилось в жизни так, что я увидел только грязное и не рассмотрел рядом с этим Человека.

ТОЛПА

Весна. Деревья только что начинают распускаться под действием теплого в меру солнца. Сегодня в парке многолюдно.

Художник рисует. В самодельном ящичке лежат краски. В руках палитра. На полотне что-то непонятное.

Он часто задумывается и смотрит вдаль. Затем быстро-быстро кладет мазки. Но ни парка, ни деревьев, ни реки на которые он так пристально смотрит, на картине нет. Там какой-то сумбур цветного движения.

Вот он в радостные и светлые тона мазнул черным. Задумался опять. И вдруг резким и решительным взмахом положил через все полотно желтую изломанную линию, расколовшую, начавшие мрачнеть, цветовые скопления.

Уже несколько человек стояло невдалеке от него. Наблюдали. Слышались тихие фразы:

— Ничего не понятно!

— Да это он так, что Бог на душу положит.

— Так чего же он смотрит куда-то? Рисуй, что видишь.

— Нас за дураков считает.

Художник обернулся. Положил палитру и сказал просто и хорошо:

— Совсем не так. Я рисую для вас, для людей. Если вы хотите иметь то, что видите, так на это существует фотография. А мы, художники, должны передать вам жизнь, прошедшую через нас, через наше творческое видение.

На моей картине я хочу показать, что наша эпоха — эпоха распада. Мы живем в период крушения всего — религии, морали, государственных основ.

Человек нашего времени растерялся. Все, чем он жил в прошлом — поколеблено. Будущее туманно. Плохо то, что будущее немного приоткрыто ушедшей вперед наукой. Но основ будущего человеческого бытия не найдено. Поэтому человеку страшно. Он подсознательно чувствует, что в современном обществе что-то неладно. Ко всему этому кто-

то сказал, что мы живем на острие термоядерных бомб и ракет. Это же действительно страшно. В один день может быть разрушена вся наша планета — вот вся эта красота! — он обвел рукой вокруг себя.

В группе уже стояло человек сорок.

— Раньше художники рисовали жизнь такой, какой она была вокруг них, и это была их правда. Сейчас мы, современники, изображаем жизнь, какая она есть в наше время, и это наша правда. Если я буду рисовать так, как рисовали прежде, это будет ложь. А я лгать не хочу.

Посмотрите на мою картину. Светлые и радостные тона это наша жизнь. Вернее, какая она должна быть. Но вот пришло что-то очень нехорошее и непонятное, для нас людей, и вошло в эту жизнь. Тогда я внес темные тона. А вот эта линия — это надвигающаяся катастрофа человечества!

Он снова повернулся к зрителям и, глядя поверх них, замедленно, сказал:

— Может быть, я не прав. Может быть, я еще уберу эту линию, — и переведя взгляд на людей смущенно добавил: — Мне очень хочется, чтобы вы поняли меня.

Художник ждал ответа. Толпа молчала.

Один человек отделился и пошел прочь. За ним стали расходиться и другие.

**
*

Художник вновь смотрел в ту точку, в которой он видел что-то. Затем нагнулся к ящичку и подбирая краски стал делать вид, что смешивает их на палитре. И никто не видел, что он плакал.

Его слезы падали на краски и смешивались с ними.

ИДЕТ ЧЕЛОВЕК

Воскресенье. Центр города. Уже скоро полдень. Человек идет по улице. Тысячи таких же идут по уличным артериям. Иные не торопясь, другие суетно. Человеку хочется поговорить. Но с кем и как? Нельзя начать разговор на улице — не положено. Разве адрес спросить? Ответят: «Извините, не знаем». Человек идет дальше. У витрины стоит группа людей. Остановился и он.

— Хорошие вещи!

Кто-то взглянул на него и, выждав две три секунды, отошел. Остальные замолчали.

Идет человек — один. Улица выводит к набережной. На ней парк. Людей и здесь много, но больше пожилые и дети. В песочнице копается несколько ребятишек. Он присел на корточки. Взял горсть песка. Из кулака посыпалась золотая струйка.

— Хороший песочек! А? — и его глаза стали голубыми и добрыми.

Детишки настороженно поднялись и медленно стали отходить к скамейке. Женщина, сидевшая там, отставила вязанье и подозрительно глядела на незнакомца.

Он не без усилия поднялся и пошел далее. Группа стариков заняла перед цветником целую скамейку. Подошел. Никто не обращает внимания. Стой и слушай. Он слушал. Говорят — так обо всем. Постоял и пошел.

Идет человек по городу. Делать нечего? Может, ищет что-то? Много таких — воскресенье.

Церковь на пути. Вошел. Служба кончалась. Священник говорил проповедь:

— Берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения. Так бывает с теми, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет. Душа больше пищи и тело одежды. Посмотрите на лилии . . .

Человек дальше не слышал. Его собственные мысли нахлынули и заполнили его: «Так это, что я говорю! Это мои слова! И это правда! Правда!»

После службы все вышли, а он все сидел на скамейке. Подошел сторож и сказал:

— Церковь закрывается. Если хотите, приходите вечером.

Проходивший священник, но уже без об-

лачения, взглядом остановил сторожа и обратился к сидевшему:

— Могу я вам помочь чем-либо?

Человек молчал.

— Если вы голодны, пойдите и мы пообедаем вместе.

— Спасибо, но я все имею. Я не имею только . . . ну, вот то, о чем вы говорили в проповеди.

Священник сел рядом и сказал:

— Может быть, вы расскажете, что у вас на душе?

Человек вдруг злобно посмотрел на него. В полумраке серые глаза его были холодны и голос зазвучал раздраженно:

— Я не имею того, о чем говорится в вашем евангелии. Я человек сегодняшнего века. Меня с детства учили приобретению ценностей, как основе всего в жизни. И я сделал все, чтобы их иметь. Я работал по двадцать часов в день, я перешагивал через людей и я достиг всего, всего! Но это оказалось призраком. Все, приобретенное мною, как-то мешает мне . . . У меня нет покоя. У меня нет . . . души, что ли? Я не знаю. Вы говорите: «Душа больше пищи и тело одежды». Верно! Верно! — он уже почти кричал. — Но где эта душа? Какая она? Как узнать эту другую жизнь, о которой вы говорите? Как? Ка-ак?!

В сводах церкви перекатывался его крик:

— А-а! А-а!

Распятый Христос печально смотрел на него.

— Молитесь, — тихо ответил священник.

Человек встал и, сутулясь, направился к выходу. Он что-то бормотал и жестикулировал руками. Выйдя он смешался с толпой.

Идет человек! Один. Десятки, Сотни, Тысячи, Миллионы!

Нет! . . . Один.

ВЕЧЕР В САДУ

Старик сидит в кресле. Кресло стоит в саду. Поздний вечер. В доме тихо. Ничто не мешает думать, смотреть на звездное небо и слушать слабые шорохи земной жизни. Старик сидит. Старик думает.

— Знаешь ли ты, — говорит он сам себе, — что ты движешься двести пятьдесят километров в секунду?

— Знаю, — отвечает он и закрывает глаза. — Наша галактика с этой скоростью вращается вокруг своего центра, находящегося около созвездия Стрельца. И такой оборот происходит один раз в двести миллионов лет!

— А сколько тебе?

— Мне? Семьдесят. Жалко, что живым я пролечу только мизерную часть этого круга.

— А что ты хочешь видеть?

Старик улыбнулся и, не желая разрушать иллюзию, хитрит и глаз не открывает.

— О, — отвечает он спрашивавшему, — я

хочу видеть жизнь звезд. Их рождение из серебристых туманностей, их зрелость, когда они раскалены до красноты, и их старость, когда они золотые или рубиновые.

— Почему ты это хочешь видеть?

— Я сравню их жизнь с моей жизнью.

— Тебе это интересно? — и голос спрашивавшего прозвучал не так ясно, как будто он отошел.

— Конечно, — ответил старик. — Пусть они живут миллиарды лет, а моя земная жизнь длится только семьдесят, но ведь это все условно. После моей смерти наша галактика будет продолжать заданный ей путь. Мое тело умрет, но мой дух будет жить!

— Ты веришь в сосуществование материи и духа?

Спрашивавший голос был явно вне его и это он физически почувствовал. Старик сидел неподвижно, закрыв глаза. Подумав, он ответил:

— Разве это неясно? Только известное нам материалистическое мы определили в точных формулах. Дух же вместить в формулы мы не можем, ибо это недоступно нашей науке и ее методам.

— Ты это знаешь? — голос прозвучал совсем далеко.

— Да! — твердо ответил он.

— Как ты это познал?

— Я не знаю.

**
*

Дверь дома тихо отворилась. Но старик услышал и открыл глаза. Подошедшая сказала:

— Пойдем в дом. Здесь уже сыро. Ты, кажется, что-то говорил?

— Да, я говорил . . . но сам с собой и мысленно.

— А мне показалось, что ты говорил вслух. Ну идем, идем — здесь сыро.

Старик встал и, обняв жену за плечи, сказал:

— Ты не беспокойся, все в порядке, — пройдя несколько шагов, он добавил: — Ты у меня добрая и серебряная, как звезда, и жить будешь долго, долго.

Дверь за ним закрылась. Скоро погас в доме и свет.

**
*

В бесконечности космического пространства мчались галактики с невоспринимаемой людьми быстротой.

МАТЬ

Колоссальный зал новейшей конструкции наполнен зрителями. Все продумано в нем. Конструкции легки и изящны. Скрытый свет лежит мягко и ровно. Сочетание тонов окраски стен, потолка идеально. Кресла свободны и удобны. Искусственно освеженный воздух полон озона.

Сцена грандиозна. Тяжелый массивный занавес медленно раскрывает перед зрителями всю ее красоту.

Каждый номер программы сменяется новым оформлением. Художники вложили все свои таланты в декорации, световые эффекты.

Специалисты создали изумительные по элегантности костюмы. Они воспользовались всем тем, что могла дать в их распоряжение современная химия. Нейлоны, дэйкраны, орланы, рэйаны . . . все в совершенстве подогна-

но к телам и фигурам актеров, подчеркивая и оголяя их. Они одеты, но они нагие.

Гримеры, употребляя парики, искусственные ресницы, последние достижения косметики, сделали лица актеров красивыми и привлекательными.

Десятки мастеров техники, мгновенно, как волшебники меняют декорации, вращают сцену, открывают и закрывают занавес.

Оркестр, состоящий из людей потративших годы на овладение техникой музыкальных инструментов и сущностью самой музыки, сопровождает каждый номер программы специально написанными мелодиями. Дирижера в куртке украшенной блестками, цветные лучи прожекторов превращают в сказочника.

Невидимая тень главного шамана всего этого сложного комплекса — режиссера — стоит над всем показываемым. Это его гений, его талант, его изощренный ум, как компьютер, комбинирует, координирует все, представленное ему, в законченный вид. Он диктатор всего, начиная от светового пятна до изгиба тела актера.

Идет концерт.

Конферансье, с плохой дикцией, представляет каждого артиста и каждый артист звезда!

Доминируют безголосые певицы и певцы, рассказчики, попавшие на сцену по протек-

ции, незрелые музыкальные ансамбли молодежи с претензией на пение. И многие, многие другие.

Все без исключения, при исполнении, подергиваются в эпилептических движениях. Каждый артист норовит выбрыкнуть нечто, что затмевало бывшее до него. Большинство тянет заключительную ноту пения до явного изнеможения. Другие дрыгают ногой или рукой в стороны, непредусмотренные анатомией человека. Иные производят постельные движения тела. Один вращает правым глазом . . . И все, видимо, не понимают, что в погоне за трюками они потеряли истинную суть театрального искусства.

Годами натренированная и прирученная печатью, рекламой, отзывами авторитетов публика дружно аплодирует. Она и не подозревает, что перед ней проходит блестящая сатира на нее, на общество, на театральное искусство, на актеров и на создателей всего этого мишурного, никчемного и дешевого великолепия.

* *
*

В пятом ряду сидят трое. Совсем молодая девушка полна экстаза от всего происходящего на сцене. Юноша, сидящий слева, держит

нежно ее руку в своей руке. А справа сидит мать.

После окончания одного из номеров, когда в зале не смолкали неистовые аплодисменты, дочь повернулась к матери и почти выкрикнула:

— Мама! Разве ты не видишь, как это замечательно. И как все это ново для меня!

Мать грустно улыбнулась и, молча, кивнула головой. Но глаза ее были глазами Мадонны, скорбящей о настоящем и будущем человечества.

ИСПРАВЛЕНИЕ

Он был таким же, как и все, как и миллионы других людей. Хотя, может быть, это и не совсем верно. Он был немного странным и окружающие не всегда понимали Его. Все знали, что Он никуда не ходил, кроме службы, которая велась Им очень исправно, и небольшого рестораника, где Он обедал и ужинал. Все также знали, что остальное время Он проводил у себя, в своей единственной комнате в старом доме на окраине города. Но из-за этого-то и шли разные сплетни, догадки и насмешки. Верно было лишь то, что в комнате Он жил своей, иной, немного особенной жизнью. Нелюдимый и замкнутый, Он все же искал дружбы. И эту дружбу Он перенес на предметы, находившиеся в комнате. Он обращался с ними, как с живыми.

Растапливая маленькую чугунную печку, Он говорил с ней:

— Ну, что же ты капризничаешь и не говоришь? Разве не чувствуешь, что у нас в комнате холодно? Нехорошо, надо быть послушной и делать, что тебе говорят.

А когда дрова в печке разгорятся, Он, оглядев ее своими близорукими ласковыми глазами, добавит:

— Вот видишь, как просто. Теперь теплее станет.

Или же подойдет к единственному цветку, стоящему на сломанной табуретке, и скажет:

— Э, брат, да ты пить хочешь! А почему же молчишь, не говоришь ничего? Так, ведь, и засохнуть можно.

И пойдет за своей белой кружкой без ручки, принесет воды, польет цветок, а потом долго и внимательно рассматривает листья, снимает с них соринки или стирает пыль.

На столе у Него стояла тяжелая статуэтка — обнаженный человек, охватив руками камень, лежал на земле в безмерной скорби. В дни неудач и невзгод или же в дни грусти, которая так часто навещала Его, Он подходил к статуэтке и, ласково глядя ее по голове, тихо говорил:

— Все плачешь? Да, друг мой, на свете тяжело — горя много. А все-таки в этом мире есть и радости. Только их надо видеть, дружище!

И уставясь в одну точку, Он подолгу стоял и думал о чем-то своем, никому не известном.

Так и шла Его одинокая жизнь — комната да служба, служба да комната.

Жизнь шла. Времена менялись, но этого Он как-то не замечал.

Однажды сидевший против Него и знавший Его лет двадцать сослуживец, который по своему мировоззрению считался передовым и занимался какой-то общественной деятельностью, уставясь на Него белесыми глазами, спросил:

— А скажи, пожалуйста, что же ты все-таки делаешь дома?

— Думаю, — коротко ответил Он.

— О чем же? — снова спросил сослуживец.

— Обо всем.

— Ну, а все же? — настаивал на своем спрашивавший.

Тогда Он поднял голову от бумаг и, глядя куда-то вдаль, спокойно и задумчиво сказал:

— Трудно ответить. Пожалуй, чаще всего я думаю о ценности человеческой жизни.

— О чем?! — удивленно приподняв брови, переспросил сослуживец.

Он помедлил и ответил:

— Я думаю о том, какую ценность имеет жизнь.

Сослуживец хмыкнул и углубился в толстую бухгалтерскую книгу. Потом, оставшись один, вынул небольшой листочек и сделал на нем какие-то заметки.

* *
*

Ночью в комнату Одинокого постучали. По приказанию вошедших Он наскоро оделся и направился к выходу. Около двери Он повернулся и, оглядев все своими добрыми глазами, тихо сказал:

— Прощайте!

И ушел . . . в исправительное учреждение.

От чего Его хотели исправить, Он так и не узнал, потому что там вскоре умер.

SCIENTIA GLORIA MUNDI

Университет. Посредине площадь — зеленая, изрезанная пересекающимися и расходящимися во все стороны дорожками. Площадь обступили здания — факультеты. У каждого здания свое лицо.

Здесь инженерный факультет. Он строг и сух.

В этом физика, гордящаяся последними открытиями античастиц атома. Они живут только немногие миллиардные доли секунды!

А здесь факультет биологии, генетики и биохимии. Уже не природой, а наукой созданы первые клетки. Это живые существа; они жизнеспособны и размножаются путем деления. Найдены гены наследственности. Обнаружены энзимы, вызывающие анархическое

клеточное деление. Наступает время, когда будет возможно определять пол зарождающегося ребенка, оплодотворять женщину и по ее желанию назначать сына или дочь, создавать людей с желанной наследственностью, выращивать в колбах живые существа — людей, полулюдей и животных или части их тела; побеждать не только старость, но и смерть!!

А в этом новейшем здании — кибернетика. Оно выделяется среди старых и чопорных строений своей независимостью и высокомерностью. Оно надменно ждет своего времени, когда изолированный человеческий мозг будет включен в компьютер. Тогда машино-человек начнет свою, неведомую обыкновенным людям, работу!!!

А дальше . . . как их много! Скопление человеческого дарования, дерзости и опыта. Здесь все то, что делает прогресс человечества, определяет его будущее. Во всем царит спокойствие, самонадеянность, переходящая в тупую гордость.

О, Человек! Ты стоишь на грани величайших достижений, открывающих твои пути в манящее, неведомое, тайное. Но каковы бы ни были открытия твоего гения, все они не затрагивают и не изменяют дарованное тебе свыше твое Духовное Начало.

**
*

Громадное здание в классическом стиле выступило немного вперед. Его карнизы-брови нахмурены. На архитраве уверенно встала надпись: *SCIENTIA GLORIA MUNDI*.

**
*

В перерывах между лекциями центральную площадь пересекают тысячи студентов. Юные, веселые, жизнерадостные они идут, торопятся, по артериям дорожек в храмы познания. Но перерыв короток. Последних опоздавших проглатывают двери-рты факультетов.

Площадь пустеет.

И, точно в двенадцать часов дня, всегда как по расписанию, на одной из дорожек появляется собака. Она не бежит. Она идет. Она старая. Пройдя десять-пятнадцать шагов она оглядывается назад и спокойно ждет. На этой же дорожке появляется человек. Он идет очень медленно. Он тоже стар. Вот он доходит до центра площади, останавливается и смотрит на главное здание. Щурится. Тихо говорит:

— Уже плохо вижу. **НАУКА СЛАВА
ЛЮДЕЙ.**

Качает головой и, постояв немного, идет дальше.

На другом конце площади, под старым деревом, стоит скамья. Единственная скамья на всей территории университета. Сюда первой приходит собака. Ложится около нее. Потом приближается ее спутник и, по-старчески, опускается на скамейку.

Изредка проходят люди. Кто взглянет, а кто и нет.

Старик сидит. Собака лежит. Молчат.

А когда на башне одного из зданий часы гулко пробьют три — первой поднимается собака. Она вопросительно смотрит на коллегу. Проходят две-три минуты — встает и он. И процессия из двух теперь движется в обратном направлении. Но возвращаясь, он никогда не читает надпись, хотя делает остановки, чтобы передохнуть.

**
*

И так, из года в год, последние девять лет собака и старик совершают свою прогулку-ритуал. Но только, когда тепло... зимой их не видно.

Прошлой осенью в ясный солнечный и багряный день старик, возвращаясь, почему-то нарушил свое правило. Он остановился и

щурясь слезливыми глазами смотрел на надпись: *SCIENTIA GLORIA MUNDI*.

— О, как человечество ошибается и как ошибался я, когда был юным, — прошептал он.

Собака смотрела недоуменно, но ждала.

Постояв, шаркая поношенными ботинками, останавливаясь чаще чем обычно, он пошел по дорожке и скрылся на повороте за зданием.

**
*

Наступила и прошла зима.

Весной, в первое же тепло, на дорожке появилась собака. Остановившись против главного здания и немного подождав, она медленно прошла далее и, дойдя до скамейки, одна легла около нее.

Люди равнодушно проходили мимо.

Г Р А Н Ь

— И я говорю вам, люди:

Человек перешел грань и должен начать жить по-новому. Если вы этого не поймете — погибнете!

Ранее вы жили на земле, созданной не вами, и вы должны были бороться с окружающим, чтобы выжить.

Вы все побороли, многое преобразовали и очень многое создали. Теперь окружение дело рук ваших. Но это окружение стало вашим врагом.

В давние времена человек, встречаясь с человеком, вступал в борьбу. Но эта борьба была за пространство. Теперь вы перешли грань в истории человечества. Ныне поднимается человек против человека, против того, что создано им.

Народились люди, которые в традиционном стремлении к материальным благам видят конец эры.

Ими отрицается созданная в течение тысячелетий цивилизация, все проникновения в тайны земли, вселенной и в тайны самого человека.

И не только отрицается; вся современная культура считается тягостью и бременем для человека.

Полагают, что его от этого надо освободить.

Пока еще немногие считают, что полное освобождение приносит только смерть. Поэтому надо убивать человека. Другие видят путь через революцию. Некоторые же верят в возможность эволюционной смены.

В этом и есть грань в истории человечества! Современное общество зашло в тупик. И я говорю вам: если вы этого не поймете — вы погибнете.

Ничего нового я вам не сказал. Все это уже известно.

И незнакомец пошел от нас по желтой дорожке.

Мы сидели на скамейке в парке большого города на берегу большой реки. Все мы были пенсионерами. Подошедшего к нам, пять минут назад, молодого незнакомца, обросшего и неряшливого, мы никогда не видели. Когда он говорил, его никто не перебивал. Нам просто нечего было делать и мы были готовы слу-

шать кого угодно и что угодно. Мы проводили его молчанием. И только когда он отошел, один из нас, смотря ему вслед, повертел пальцем у виска.

Мы молча продолжали греть свои старые кости на осеннем солнышке. Перед нами река мощно несла свои воды.

* *
*

Прошло несколько дней. Все они были ненастными. Но сегодня опять солнце, опять тихий и нежный осенний день.

Вся наша группа снова собралась на старом месте. После нескольких минут разговора о пустяках мы замолчали.

На дорожке показался незнакомец-проповедник и вновь подошел к нам. Мы вопросительно смотрели на него и ждали. Наклонив голову, он, помолчав, заговорил:

— В прошлый раз я рассказал вам о том, к чему пришло современное человеческое общество. Я говорил, что если люди не поймут того, к чему пришел мир — они погибнут.

Но этого не случится. Человек должен понять и он поймет. Трудно будет ему . . . Очень трудно. Но он поймет.

В процессе истории человечество было разделено на расы и нации и человек мыслил

только в расово-национальных категориях. Теперь пришло время, когда надо начинать думать и представлять себя в едином мировом вненациональном, а затем и внерасовом сосуществовании.

Ранее история человечества проходила под знаком организации отдельных государственных форм — теперь человек задумывается над единой государственностью для всего человечества.

Прежде человек ищущи приходил в своих поисках к различным видам религии — теперь он должен задуматься над нахождением религиозного или духовного единения всех народов, всех рас мира.

От человека зависит, будет ли его будущее братским или бесчеловечным. Он должен осмыслить и объединить все знания и культуры и это будет его спасением.

Таков будущий путь, который диктуется человеку современностью. Люди должны изменить свою психологию. Путь этот будет трудный и сложный — путь преодоления ненависти, путь любви к ближнему.

Он помолчал.

— Да, все это будет очень трудным и длительным... Но иного перед человеком нет! Это неизбежно!

Он, как и в прошлый раз, не попрощавшись пошел от нас по желтой дорожке и скрылся вдали.

Громадная река все так же мощно несла свои, загрязненные цивилизацией, воды. Мы наслаждались теплом, светом, воздухом и покоем.

У ОКЕАНА

Я все потерял! Я так стремился к свободе. Но оказалось, что свобода — это пустота. Я не знаю, где ее начало и где конец. Ранее все было ясно, а сейчас, когда я приблизился к искомому, все перепуталось. Темь!

Помню, еще будучи мальчиком, я услышал впервые, что «Жизнь есть борьба». Я смеялся. Вот я иду из школы. Надо перейти большое, большое поле. Дует сильный, упорный, встречный ветер. А я иду, немного наклонившись вперед, и . . . разрезаю ветер! Я горд! Какая борьба? Я сильнее всего!

Так я вступил в жизнь.

Во мне до сих пор живут сладостные минуты моей религиозности — Пасха, Рождество! Ах, как хорошо это было! Но я вырослел. Как много запретного: «Нет, нельзя, плохо, не убий, не укради . . .» И я ушел от Бога. Как все стало легко. Я блаженствую в грехах. Я сам себе судья. Я делаю, что я хочу!

Я живу тем, что я зарабатываю. Я должен — так учить мое общество. Вскоре я почувствовал большее: надо говорить и делать только то, что не явно, но установлено кем-то. Во мне нарастает протест. После того, как я претворил свои мысли в действия, меня посадили в тюрьму. Я замкнулся. Через два года, как исправившегося, меня освободили. Внутренне несломленный, я затаил сокровенное и стал ждать.

Началась война. Пройдя через тысячи смертей, я остался жив.

Потом я, ищущи, побывал во многих странах мира. В одних была свобода, в других тирания. Но законы, правила поведения в обществе, начертания морали были, хотя и разные, но везде. И это связывало.

Годы шли. Стремления к телесным наслаждениям постепенно сменялись побуждениями к творческой деятельности. Но все, что я ни делал, было:

Чуждо молодым, потому что, сам того не замечая, творимое мною я часто окрашивал моралью прошлого. Чуждо пожилым, ибо во мне были искания нового. Чуждо обществу, потому что во мне были элементы отрицания его косных устоев.

Я начал отходить и, наконец, совсем отошел от людей — живших домом, семьей, работой, маленькими смешными удовольствия-

ми, заботами и нуждами. Я не знал, о чем с ними разговаривать. Чувство дружбы было уже утеряно давно.

Я всегда мало интересовался политикой. Но волей или неволей, приглядываясь к действиям больших и малых властителей мира сего, я увидел столько хамелеонства, что потерял и последний интерес к любимым, громко предлагаемым, доктринам, обещаниям и формам государственного устройства.

Я никогда не был жаден к деньгам. Мне всегда их хватало — сколько бы их у меня ни было. Если у меня был только хлеб, я довольствовался и им.

**
*

Вот так и прошла жизнь. Я состарился. Мне не нужно даже работать. О, ирония судьбы, — меня содержит отрицаемое мною государство.

**
*

Сейчас я сижу на берегу океана. Он такой большой и спокойный. Синеватые волны лижут мои ноги. И я сижу . . . один.

Я хочу, чтобы кто-то подошел ко мне и сказал: «Доброе утро!» Я бы улыбнулся ему

и ответил: «Спасибо!» И он сядет рядом и мы будем говорить долго-долго — о жизни, о природе, о людях, о том, как хорошо вокруг нас . . . И будут подходить другие, и некоторые подсядут к нам . . .

Но вокруг никого нет . . . Я один.

Без Бога!

Без Людей!

Без Государства!

Я сам по себе. Я свободен! Я один — в Море, в Космосе!

О! Как это трудно!

Боже! Люди! . . Помогите мне!

М Ы

В палате психиатрической больницы было семеро.

Прошло утро со скудным обязательным туалетом, завтраком, посещением врача, процедурами, лекарствами.

Потом был обед.

А теперь наступило настоящее время. Но вначале надо было всем улечься в кровати спать — «для укрепления нервной системы». Благословенное время — врачи уходят, сестры и лаборанты не показываются, санитары не обращают внимания на происходящее в палатах.

— Пора! — сказал Мастер. — Они теперь нам не опасны. Освободите свои головы из-под одеял; закройте глаза; делайте вид, что вы спите, но будьте внимательны.

Мастер, свернув одеяло, положил его на своей кровати под простыню, придав ему вид

тела. Подойдя к двери, он стал около нее так, чтобы быть невидимым, если кто посмотрит в контрольное окошечко.

— Сегодня наша заключительная теоретическая лекция. После нее мы приступим к разработке практических действий. О, это будет трудная, но очень интересная задача.

Итак, все ранее сказанное можно изложить в следующих положениях.

Нет такой в современном человеческом обществе области, которая избежала бы проникновения Нового Света. Социальные идеи, государственное устройство, наука, искусство, человеческие взаимоотношения, религия, мораль — все в большей или меньшей степени проникнуто элементами новых понятий.

Современный человек, сам того не замечая, начинает мыслить космическими категориями. Он еще пока не всегда осознает, что «он» есть не то, что «он» есть в действительности, и что он уже нечто другое, большее.

Современный человек сбросил с себя сковывающие пути старых понятий, ограничивавших стремления и порывы его творческого духа.

Теперь он стоит на пороге величайших взлетов. Он свободен в его новом духовном устремлении и нам сейчас даже трудно представить, что могут дать в будущем, если можно так выразиться, электроны разложенного его мозгового и духовного вещества.

Все наносное и тысячелетиями наложенное спадет с человека, как изношенные лохмотья на нищем ставшем богачем. Все эти капиталистические, коммунистические и прочие социальные современные общественные формы разрушатся, как карточные домики.

Законы формальной логики, тормозившие в течение веков прогресс, отпадут сами по себе. Человечество в науке, в искусстве начнет двигаться или уже движется логикой силы вещей. Посмотрите, каковы достижения последних десятилетий — мы на пороге общения с космосом. Всю нашу сконцентрированность Нового Света — человеческого гения мы не должны ограничивать только солнечной системой, а направить туда — к центру галактики, к созвездиям Скорпиона и Стрельца. Ведь там находится девяносто процентов всех звезд. Значит там мы имеем больше шансов встретить подобных нам, а может быть, и придти в соприкосновение с Тем, Чье присутствие мы только чувствуем... Мировым Сознанием!

Шестеро слушателей давно уже поднялись и сидели на кроватях, как загипнотизированные. В контрольном окне мелькнула тень. Дверь быстро отворилась и вошел «диктатор» — старший врач.

— Всем лечь! Почему вы стоите здесь? — обратился он к Мастеру.

В раскрытой двери стояли сопровождаю-

щие санитары. «Начало борьбы было бы преждевременным», — подумал Мастер и смиренно сказал:

— Я хочу в уборную.

Врач взглянул на его лихорадочные глаза и бледное лицо. Взял руку и прощупал пульс.

— Вы нездоровы. Идите, а потом, немедленно, в постель.

Выходя из палаты он добавил:

— Дайте ему . . .

Названия лекарства уже не было слышно.

— Кто из нас нездоров мы знаем лучше, — пробормотал Мастер и пошел выполнять приказание.

ПРАВО

Человек вошел в банк. Подойдя к молодой кассирше он протянул ей маленький саквояж и спокойно сказал:

— Все, что вы имеете, положите сюда.

Она увидела дуло револьвера и стала поспешно складывать деньги. Но в силу тренировки нажала ногой и на педаль тревоги.

— Быстрее! Быстрее! — командовал он.

Получая саквояж, он понял, что тревога уже дана. Щелкнул сухо выстрел и молодая девушка, поникнув, мягко опустилась на пол.

По залу торопливо шел охранник, взглядом отыскивая в толпе грабителя. Они встретились. Вновь прозвучал выстрел и охранник, падая, выхватил по заученному свой револьвер. Но это было поздно.

Человек вышел на улицу, не торопясь сел в автомобиль и отъехал от банка. С пронзи-

тельными сиренами приближались полицейские машины.

Человек, проехав два квартала, остановился у дома. В приемной его встретила приветливой улыбкой секретарша.

— Могу ли я вам помочь?

— Да, я хочу быть замороженным.

— Садитесь. Прочтите, пожалуйста, условия и . . .

— Мне безразлично, — сухо прервал он. — Я хочу это проделать сейчас же, не откладывая.

— Тогда пройдите, пожалуйста, к тому столу.

Он подошел и без приглашения сел в кресло. Сидевший за столом чиновник пытливо оглядел его.

— Вы, наверно, знаете, что процедура замораживания стоит довольно дорого?

— Я имею деньги.

Чиновник вынул анкету и началась обычная проформа — имя, фамилия, адрес . . . Помедлив, чиновник спросил:

— Вы имеете заключение врачей о вашей болезни? Оно должно быть составлено по нашей форме, чтобы медики в будущем могли по поставленному теперь диагнозу начать ваше лечение.

— Я абсолютно здоров.

Чиновник недоуменно посмотрел на него.

— Но мы должны записать, почему вы хо-

тите быть замороженным. Это необходимо для наших сегодняшних властей.

— О, теперь я понимаю, — сказал посетитель. — У вас все отчаявшиеся больные, которые хотят быть излеченными будущей медициной. Очень неприятно, что я окажусь среди них. Но дело вот в чем. Я, как это вам сказать... человек крайней морали. Я думаю, что я перерос наше общество. Понимаете? С моей моралью я имел бы большой успех, когда общество будет нивелировано и все будут... ну, как бы одинаковы. Но этого писать, конечно, не надо. Давайте напишем так: по моральным соображениям не могу жить в современном обществе, а хочу жить в обществе будущего, — он помолчал. — Кто знает, может быть это даже будет импонировать будущим властям. А что подумают наши власть имущие, мне безразлично.

— Хорошо, — ответил чиновник и записал просимое.

— Когда вы хотите начать жить снова?

— Как вы думаете, когда наступит будущее организованное общество духовно безликих людей? Какой срок вы даете?

Чиновник задумался.

— Трудно, конечно, сказать. Я думаю, что лет на сто-двести нас еще хватит.

— Хорошо. Возьмем сто пятьдесят лет.

Чиновник поставил жирным карандашом число 150 и сказал:

— Как будто бы все. Нет, еще одно. Ваш мозг будет как бы в полусне. Вы хотите, просто, спать или путем электрогипноза слушать, например, музыку?

— Да, это было бы неплохо.

Чиновник мягко улыбнувшись ответил:

— Но за это дополнительная плата.

— Я согласен.

— Какую музыку вы предпочитаете?

— Я хотел бы классику . . . нет, лучше, пожалуй, популярную! Надо хоть немного и развлечься! — и он в первый раз улыбнулся.

Чиновник записал. Затем, еще раз прочитав заполненную анкету, он взял отдельный бланк и проставил на нем стоимость процедуры замораживания, хранения и будущего обслуживания. Сколов все вместе, он передал посетителю.

— Прочитайте и распишитесь. Затем, пожалуйста, к кассиру.

Когда клиент расплатился, в задней стене открылась массивная дверь и служитель в белом халате пропустил посетителя в гибернакул.

**
*

Секретарша, обращаясь к чиновнику, сказала:

— А он мне не понравился. И я думаю:

имеем ли мы право, не зная клиентов, переправлять их будущим поколениям? Ведь среди них, наверно, есть и недостойные!

Чиновник взглянул на нее, но ничего не ответил.

ДИАЛОГ

— *Вы стремитесь разрушить все созданное человечеством. Все духовное вы сменяете материализмом, который и ведет к всеобщему разрушению.*

— Мы ничего не разрушаем. Современная общественная система отжила и, хотите вы или не хотите, она уступит место новому. Мир перестраивается на основе упразднения старых отживших форм и попыток нахождения новых.

— *Для нас ясно одно, что наши ученые, философы и церковь не учли, не предусмотрели чего-то и человечество идет к гибели.*

— Ваш страх основан на том, что рухнет привычное вам. Попробуйте взглянуть по-новому на современные события и вы увидите необходимость совершаемого.

— *Я твердо знаю, что на развитие истории влияют Провидение, Природа и Человек. Изменить это ни вы, ни я не можем.*

— Я заменяю ваше слово Провидение — богом. Да, мы отказываемся от его признания. Природа же в основном покорена нами. И тогда остается только он — Человек!

— В этом и есть ваше величайшее заблуждение и трагедия нашего времени. Отрицая духовную сущность человека, вы превращаете его в компьютера-робота. Он у вас без юмора, любви, печали, чувствования природы, ощущения солнца . . . Выводы о будущем можете делать сами!

— Нет, это совсем не так. Мы считаем, что смена застывших форм ведет к новым, широким возможностям вскрытия неизвестных особенностей человека, его новой высшей морали и этики. А все это приведет к духовному, более совершенному, преобразению человечества.

**
*

Они сидели в кафе на крыше небоскреба. Многомиллионный город-чудовище, порождение современности, обуреваемый человеческими страстями шумел и извивался у их ног.

Наступал вечер. Город покрывался мириадами огней.

— Я теперь знаю, кто вы, — сказал первый. — Вы новое порождение — смешение идеализма и материализма, зла и добра. Мы

терпим крах, но и вы потерпите крах. Сколько вас? Единицы! Вас и ваши мечты снесет, размельчит и уничтожит толпа: сотни, тысячи, миллионы людей, лишенных вами духовных устремлений. И это будет катастрофой человечества!

— Может быть, — ответил второй, — может быть, — повторил он. — Но мы не можем оставаться бездеятельными, мы должны продолжать начатое.

**
*

Совсем стемнело.

Беспредельное море огней сказочно сверкало и переливалось.

Они долго молчали.

— Который час? — устало спросил один.

— Мой друг, — сказал улыбнувшись второй, — кто-то говорил, что время — ничто. Важны его последствия!

СОДЕРЖАНИЕ

Люди	5
Ошибка	7
Толпа	10
Идет человек	14
Вечер в саду	18
Мать	21
Исправление	25
Scientia gloria mundi	29
Грань	34
У океана	39
Мы	43
Право	47
Диалог	52